

После того как она немного помучилась головной болью, Ань Тун всё ещё не получила никакого результата. Однако у неё появились объекты для осторожности, и это было хорошо.

Только вот этот объект, узнав, что староста Ань разгневался, снова пришёл извиняться. Причём пришли не только он, но и уездный воевода Цзян, а также госпожа Гао из семьи Цзян.

В день Праздника Цветов Ань Синь, вернувшись, доложил старосте Аню и Ли Цзиньсю о том, что произошло в Восточной Заводе. Они, естественно, разозлились, ведь Цзян Чэнъянь пригласил Ань Тун любоваться цветами, но вместо этого её выставили на посмешище. Как тут не разозлиться?

Цзян Чэнъянь в тот момент не воспринимал Ань Тун всерьёз. Её поведение, напоминающее уличную торговку, раздражало его. Он рассказал обо всём родителям, и они его поняли.

Но понимание — это одно, а то, что его действия разозлили семью Ань, — это факт. Исходя из общих интересов, уездный воевода Цзян сразу же посоветовал ему пойти и извиниться.

Отец и сын договорились, что сначала они начнут с обвинений, чтобы староста Ань узнал о грубости Ань Туна и понял, что это семья Ань неправильно воспитала дочь. Затем Цзян Чэнъянь появится в измождённом и раненом виде, и после этого они извинятся. Тогда семья Ань не сможет продолжать преследовать их.

Уездный воевода Цзян также знал, какое место занимает Ань Тун в сердце старосты Аня. Именно поэтому он был рад: чем важнее была Ань Тун, тем больше выгоды принесёт её брак с Цзян Чэнъянем для семьи Цзян!

Госпожа Гао, стоя рядом, обвиняла Ань Тун в том, что она ходит босиком на людях, показывая свои ноги, что было неприлично. Также она говорила, что Ань Тун появляется на публике без головного убора, что и привело к тому, что её обсуждали...

Когда староста Ань и Ли Цзиньсю уже готовы были разгневаться, уездный воевода Цзян мягко отчитал госпожу Гао, а затем с улыбкой сказал:

— Племянница с детства такая, зачем сейчас поднимать эти вопросы?

Староста Ань и Ли Цзиньсю, сдерживая гнев, наконец сказали:

— Брат Даофан, у меня только одна дочь, и я считаю её своей драгоценностью. Я не требую, чтобы она была учёной и нежной, я просто хочу, чтобы она была счастлива. Если ты считаешь, что я неправильно её воспитал, я признаю это. Но я никогда не стану ограничивать её и не позволю ей выходить в люди. Если ты недоволен этой помолвкой, расторгни её!

Уездный воевода Цзян строго сказал:

— Брат Дэ! Такую живую и искреннюю девушку я бы сам хотел иметь и лелеять её! Как я могу быть недоволен тем, что она станет частью нашей семьи? Это всё пустые слова невежественных женщин, не обращайтесь на них внимания! Кроме того, эта помолвка была заключена нашими отцами как знак дружбы между нашими семьями. Как мы можем расторгнуть её из-за такой мелочи? Мы, семья Цзян, никогда не станем инициировать расторжение помолвки, прошу вас, брат Дэ, успокойтесь!

Нет, ты предложи расторгнуть её! Ты расторгни её!

Если ты не предложишь, мы предложим, и ты согласишься!

Староста Ань, Ли Цзиньсю и Ань Тун в душе кричали об этом.

Семья Цзян не хотела расторгать помолвку, а у семьи Ань не было другого выхода. В итоге всё ограничилось устными упрёками в адрес Цзян Чэнъяня, и дело так и осталось незавершённым.

Однако на этот раз Цзян Чэнъянь принёс подарки. Он достал несколько шкатулок, внутри которых лежали изящно сделанные шпильки. Там были шпилька из белого нефрита, шпилька из жадеита с головой феникса, золотая шпилька, серебряная шпилька и многие другие дорогие украшения, явно стоящие немало.

Ань Тун отказалась:

— Мне нравятся деревянные шпильки. Эти шпильки выглядят дорого, но они мне не подходят.

Ань Тун часто бегала по полям и часто теряла деревянные шпильки и украшения. Потеря деревянной шпильки не была большой потерей, к тому же на них можно было вырезать множество узоров, в отличие от этих драгоценных шпилек.

— Сяо Тун, ты всё ещё не можешь простить меня? — тихо спросил Цзян Чэнъянь.

Его лицо было бледным, под глазами виднелись тёмные круги, словно он долго мучился от чувства вины.

Нет, я не собираюсь тебя прощать! — подумала Ань Тун.

Но затем она вспомнила, что в семье Цзян только Цзян Даофан занимал должность уездного воеводы, получая жалование восьмого ранга. Ему приходилось содержать большую семью, и, по слухам, у него даже была любовница на стороне. В таких условиях Цзян Чэнъянь смог достать такие дорогие вещи, вероятно, деньги были получены от эксплуатации арендаторов.

Поэтому она приняла эти драгоценные шпильки. В глазах Цзян Чэнъяня мелькнуло презрение.

Цзян Чэнъянь нашёл возможность уйти из дома Ань и отправился на встречу с Шао Жу.

Раньше они встречались в доме старушки Чжан, где жила семья Сюй. Но теперь Цзян Чэнъянь не мог встречаться с Шао Жу там, поэтому он выбрал заброшенный дом, далеко от деревни Фуцю.

Этот дом когда-то принадлежал вдове. Она недолго прожила в браке, а затем, пользуясь тем, что дом находился далеко от деревни, стала встречаться с мужчинами. Когда об этом узнали в деревне, она не выдержала насмешек и утопилась в реке.

После её смерти в доме не осталось ничего ценного, к тому же он находился рядом с грязной и зловонной рекой, так что никто не хотел его занимать. Кроме того, в этом месте умерло много людей, и никто не решался там жить или приходить. Дом окончательно опустел.

Вокруг дома рос камыш высотой в половину человеческого роста, а деревья скрывали его от посторонних глаз, так что их было трудно заметить.

Когда Шао Жу пришла, она увидела сгорбленную фигуру Цзян Чэнъяня и почувствовала жалость. Увидев его измождённое и обиженное лицо, она ещё больше пожалела его.

Прикоснувшись к его щеке, Шао Жу сказала:

— Цзян Лан, ты выглядишь таким измученным.

Цзян Чэнъянь взял её руку, чувствуя тепло от её заботы и понимания. Ведь в доме Ань никто не обращал внимания на его состояние!

Шао Жу весь день была в доме Ань и знала, что произошло. Она нашла возможность сбежать. Они любили друг друга, но вынуждены были встречаться тайно, словно воры. Это было так несправедливо!

— Я ничего не могу поделать. Когда я вернулся домой и попросил родителей расторгнуть помолвку, они отказались и заставили меня встать на колени перед алтарём предков и признать свою вину. Я действительно не хочу жениться на этой бесполезной Ань Тун! Жуэр, ты ведь знаешь, что я больше всего хочу жениться на тебе!

— Я знаю! — успокоила его Шао Жу. — Я знаю, Цзян Лан, ты стараешься, но родительская воля и сватовство — это то, что мы не можем легко изменить!

— Ань Тун тогда угрожала мне, и я понял, что семья Ань снова получила возможность унижить семью Цзян! Если бы не высокомерие семьи Ань, мы бы никогда не обратили внимания на Ань Тун!

Они долго не виделись, и теперь, полные переживаний, обнялись и излили друг другу душу.

Шао Жу также воспользовалась возможностью рассказать Цзян Чэнъяню о некоторых событиях в семье Ань. Однако, поскольку она большую часть времени находилась рядом с Ань Тун и не занималась тяжёлой работой, она не могла узнать ничего более полезного.

Она думала, что если сможет узнать от Сюй Сянжу что-то компрометирующее Ань Тун, это станет ещё одним козырем для Цзян Чэнъяня в его попытке расторгнуть помолвку.

Цзян Чэнъянь, похоже, вспомнил о чём-то, достал из кармана нефритовую шпильку и сказал:

— За всё это время я так и не подарил тебе ничего достойного. Надеюсь, эта шпилька тебе понравится!

Шао Жу взяла шпильку, рассмотрела её и мягко улыбнулась:

— То, что подарил Цзян Лан, мне всегда нравится!

— Позволь мне вставить её тебе в волосы? — предложил Цзян Чэнъянь.

Но Шао Жу отказалась:

— Что бы Цзян Лан ни подарил мне, мне всё нравится, но я предпочитаю мою деревянную шпильку. Это подарок старушки Чжан на моё совершеннолетие, и она имеет для меня большое значение. Кроме того, мне нравятся более простые украшения. Они могут быть скромными и незаметными, но в деревянных шпильках есть своя красота! Поэтому, Цзян Лан, прости меня, я сохраню эту шпильку как память.

Цзян Чэнъянь крепко сжал её руку и похвалил:

— Жуэр, ты самая искренняя и естественная женщина, которую я когда-либо встречал! Если

эта деревянная шпилька так важна для тебя, то пусть останется. Ты любишь деревянные шпильки, и я в будущем буду вырезать их для тебя!

— Цзян Лан, ты такой добрый!

Цзян Чэнъань обнял Шао Жу, чувствуя её аромат, и в душе решил, что обязательно найдёт способ жениться на ней открыто. Она была той женщиной, с которой он хотел провести всю свою жизнь!

На востоке деревни Фуцю уже начинало светать, а на западе тонкий месяц всё ещё висел в небе.

Сюй Сянжу проснулась от кошмара, закрыла глаза и немного отдышалась.

Ей снова приснился этот странный сон. Она всегда забывала, что происходило во сне, но одно ужасное изображение оставалось в её памяти.

[Отсутствуют авторские примечания]

<http://bllate.org/book/16381/1482488>